

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

Год издания 31-й
№ 111 (4077)

Вторник, 8 сентября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЭТО РАДОСТНО!

Сергей ВОРОНИН

Дневник ПИСАТЕЛЯ

«Съездом строителей коммунизма». «Бюрократическое далеко» становится близким. И, конечно же, на этом всемирно-историческом пути будут трудности, и помехи, и сопротивление тех, кому не по душе наши коммунистические завоевания.

«Глубоко партийное и народное творчество Шолохова — неотразимой убедительностью показывает, что путь, пройденный нашей страной, был трудным, сложным, но единственно верным путем к счастливой жизни для всего народа», — сказал на митинге в Вешенской Никита Сергеевич Хрущев.

Радостно слышать такую высокую оценку творчества писателя.

В чем же сила Михаила Шолохова? Талант? Да, такой талант рождается, может быть, один раз в столетие. Но не много стоит талант без любви к своему народу, к своей стране.

М. А. Шолохов любит свою землю, свой народ. Он гордится им. Так может гордиться отец своей большой дружной семьи.

Был такое. — Пошел, редактор, посмотрю степь. Донских казаков увидишь. Так и пишу. — Это он мне сказал в связи с тем, что отдал вторую главу «Поднятой целины» в наш журнал.

Конечно, речь шла не о том, чтобы я стал в позу контролера и проверял, так ли описана степь. Нет, он просто хотел показать свою землю к ее народам, как бы говоря: «Посмотри, ведь это же прекрасное! Вот моя земля, вот мой народ. Вот кого я люблю, вот о ком и о ком я пишу».

Да, когда вся жизнь связана с жизнью народа, тогда и создаются великие произведения, рвутся сердца и навеки покоряют человека, в какой бы стране он ни жил.

Литературной столицей называют теперь Вешенскую. Это, действительно, литературная столица. К Михаилу Александровичу приезжают посоветоваться, поделиться своими мыслями наши писатели, приезжают писатели из-за рубежа. Я уж не говорю о тех сотнях книг, сотнях рукописей, которые шлют и начинают, и молодые, и опытные литераторы в Вешенскую. Это общезвестно. Не говорю и о тех тысячах писем, в которых многие просят совета — как писать, с чего начинать?

Не так давно в Вешенской побывали датские писатели. В эти же дни туда приехали украинский драматург Василь Минко, ленинградский поэт Александр

Решетов. Был там и я.

Нас всех радостно удивляла разносторонний, необычайно живой интерес Михаила Александровича к жизни, к литературе, к искусству. О датской литературе он говорил с глубоким знанием места и значения в ней прехаживших к нему писателей. Шестидесятилетний Ханс Кьер внимательно слушал его суждения о своих писательских особенностях.

Шолохов слушал стихи А. Решетова в Москве. Они ему запали в сердце. «Русские, с раздунной», — сказал он. И не пропустил случая, чтобы познакомиться с датскими писателями с поэзией ленинградца. Переводил стихи тут же, с голоса, Эрик Хорекьер. Переводил он хорошо. Но Михаилу Александровичу этого было мало. Ему важно было, чтобы перевод донес не только замысел того или иного стихотворения, но и не потерял находок поэта, будь это проницавшееся ему сравнение изд с хорошей нотонацией переланное народное чувство.

Какое счастье для любого писателя услышать суждения Михаила Александровича о своем творчестве, получить его советы. А сколько поучительного можно извлечь из его книг, из его огромного опыта.

В этом году журнал «Нева» заканчивает печатание второй книги романа «Поднятая целина». В седьмом номере напечатана большая часть романа. Впервые опубликованы собранные воедино главы второй книги. Это большое литературное событие.

Знаменательная встреча Первого секретаря Центрального комитета КПСС, Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева с Михаилом Александровичем Шолоховым дает огромные возможности для уточнения и углубления наших эстетических воззрений.

«У писателя, который стоит на партийных позициях, партийность органически вытекает из его собственных убеждений и настроений. Интересы партии и думы такого писателя совпадают. Если писатель в своей работе, в своих мыслях руководствуется интересами народа, среди которого он живет, он будет правильно отражать жизнь общества».

Эти слова, сказанные Н. С. Хрущевым на митинге в Вешенской, обращены ко всем нам, работающим в литературе. И если каждый литератор по-настоящему вдумается, поймет их сердцем и разумом, он найдет для себя правильные пути к плодотворной деятельности.

ОСЕННИЕ СТИХИ

СЕНТЯБРЬ НА ДОНУ

У нас, на солнечном Дону,
По-своему прекрасна осень.
Уже орасло волну
В густую прозелень
И в просинь.
Плывут по глади лепестки
И листья вербы,
Ветром сбитые,
И стали белыми пески,
Волной за лето перемытые.
А выйдешь поутру на луг:
Роса со стебельков сочится.
Откуда-то подышалась вьюга,
Взлетает над тобою птица.
Покинуте шляши
Грусти на голых огородах.
Шумят тревожно камыши.
В рассветных отраженьях водах.
И жадно, и легко дыша,
Идешь, рожденные дня встречая,
Осенней свежестью душа
Как бы наполнена до края.

У РЕКИ
Без движения, на волнах прозрачных
Цельный день лежит мой полпаков.
Почему такой я неудачник?
Даже пестрарка поймать не смог.
Завод отливает изумрудом.
Тишина. Молчат кусты. И вдруг
Клонуло, да так, что только чудом
Уловку не выронил из рук.

В предзакатном блеске утолая,
Над глубинной чистой струей
Бежит на крутые скалы, сверкая
Золотой монеткой челнчик.
Что мне делать с ним,
Таким красивым,
Гибким, обходящим по руке хвостом?
Света сказочные переливы
Заиграли радостно на нем.
Я поймал не рыбку золотую,
Я чудес на свете не ищу.
Жалко на кулан сажать такую,
Полубоюсь вот и отпущу.
Пусть плывет и дышит под водой,
Гордо выпрыгивая плавнички.
Так, без ноши, с легкой душою
Возвращаясь я домой с реки.

В ШКИ
Станица над рекой, неровный берег,
Равнинные сыпучие пески.
А рощи поленничью обители
На тех дорожках, что вьются в Базки.

Ты у окна стоишь: тебе до боли
Понятны дымчатые дали те.
Где скачет степью перекати-поле,
Пожоже на волка в темноте.
Задонский ветер запах трав разносит,
Плывет и вьется паутинный нить.
Опять мне захотелось в эту осень
В твоём краю казачьем погостить.

В ЭТИ ДНИ внимание советского народа привлекло к знаменательному событию, которое произошло в станице Вешенской. Глава правительства Никита Сергеевич Хрущев побывал в гостях у любимого писателя земли нашей Михаила Александровича Шолохова.

Чем больше думаешь об этой встрече, тем сильнее охватывает сердце чувство светлой радости за будущее нашей страны, нашей литературы, нашего искусства.

Неразынное единство литературы с жизнью народа, о чем так ярко и убедительно говорил Никита Сергеевич, получило на празднике в Вешенской, где собрались тысячи людей, еще одно историческое подтверждение.

Встреча главы правительства с писателем стала общенародным праздником. И не только в Вешенской. Подобно радиоэфиру, она захватила район, область, край — всю землю советскую. Пошла шире, и ею уже охвачена вся страна. Люди доброй воли нашли еще одно доказательство неумолимой деятельности Н. С. Хрущева — искреннего и пламенного борца за мир.

Когда встречается такой крупный политический деятель с писателем, можно с уверенностью сказать, что дела в стране поныне миролюбивы, что все внимание политическое одному — счастье народа, расцвету его культуры, созданию прочного мира.

Это радостно! И пусть все народы знают, чем заняты сердца и разум великих гуманистов — государственных деятелей и писателей, и пусть сравнят с теми мрачными сговорами о новых и новых вооружениях, которые еще ведутся сторонниками войны.

Время наше стремительно мчится вперед. И в этом, видимо, своя закономерность. Когда человек впервые встал на коня, то сразу же обрел в сознании силу своего превосходства, расширил свой мир. Появился паровоз. Новая скорость пошла человека вперед. Оторвался от земли самолет, и новыми скоростями овладела человек. А теперь спутники. Десятки планет Солнца. Опять новые скорости, новые ощущения времени. И в этом — прогресс нашей техники, неудержимый рост нашей страны.

Теперь уже наша страна идет не семимильными шагами, как еще совсем недавно определялось поступательное движение нашего общества к коммунизму, а обрела скорость, равную скорости спутников. XXI съезд партии был назван

НАМ СВЕТИТ НАДЕЖДА МИРА

СТАНИЦА Вешенская, о которой до революции вряд ли знал кто-нибудь из людей литературы, в наше время стала одним из очагов советской культуры.

Встреча Никиты Сергеевича Хрущева с Михаилом Александровичем Шолоховым в этой станице имеет для всех нас, для нашей литературы огромное значение. Этой встрече товарищ Н. С. Хрущев еще раз подтвердил ту высокую оценку нашей литературы, которая была дана им с трибуны Третьего съезда писателей.

Речь Н. С. Хрущева на митинге в станице Вешенской я прочел накануне своего отъезда в Западную Европу. Не в первый раз приходится нам, писателям, совершать такие путешествия.

Бывали мы в капиталистических странах в трудное время «холодной войны». Сейчас нам светит надежда, победная надежда на мир во всем мире. И нет на земле ни одного честного человека, который бы не ждал благодатно и нетерпеливо хороших результатов от поездки главы Советского правительства в США и президента Эйзенхауэра в Советский Союз. И нет на земле честного человека, который не желал бы всем сердцем ликвидировать остатки войны.

Лев НИКУЛИН

Спутник миссии доброй воли

НЕДЕЛИ три назад в Нью-Йорке, на одном из приемов, устроенных в честь группы советских театральных деятелей, художников и писателей, наш собеседник, видный общественный деятель США, спросил: «А как вы полагаете... что если вместе с президентом Эйзенхауэром во время его предстоящего визита в Москву к вам придет кто-нибудь из наших крупнейших писателей? Ну, например, Эрнест Хемингуэй? Как отнесется к этому наша публика?» Мы, не задумываясь, заверили нашего собеседника, что имена талантливых американских писателей очень хорошо известны у нас на родине; у нас издаются книги Колдуэлла, Саролина, Хемингуэя, Фолкнера и многих других современных американских авторов; с успехом идут пьесы Лиана Хеллман, Артура Миллера. И при этом так популярны в Америке, у нас и во всем мире писатели, как Хемингуэй, будет встречен с огромным сердечным интересом и общим одобрением.

Аналогичные вопросы нам затем дважды задавали и в Вашингтоне. Чувствовалось при этом, что идущие дорожки обиделись к нам прогрессивные люди Америки были не совсем уверены, место ли всемирно известному писателю среди нас, которым надлежит сопроводить президента во время его визита, хотя официально и «неофициально», но имеющего вполне определенный и исключительно важный политический смысл.

Не знаю, увидим ли мы действительно в Москве в дни, когда у нас будет

гостить президент США, всеми нами уважаемого и много раз с восхищением читанного Эрнеста Хемингуэя. Будем надеяться, что увидим, и, конечно, встретим как желанного гостя... Но все мы с искренним удовлетворением узнали, что Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев пригласил разделить с ним дни, путь и труд предстоящей поездки в Америку нашего виднейшего писателя Михаила Александровича Шолохова. Сообщение это вызвало всеобщее удовлетворение.

Имя Шолохова в сознании миллионов людей нашей страны и всего мира прочно связано с представлениями о лучших и самых гуманистических чертах советской литературы, советского искусства. Нам, писателям СССР, отроду знать, что в составе предстоящей неофициальной миссии доброй воли и дружбы, возглавляемой Н. С. Хрущевым, будет и наш прославленный соратник по перу, знаменитый представитель большой советской литературы, которая известна по всему белому свету как неумолимая поборница дела мира.

Принято было в эти дни, когда сердца людей всей земли, думы народа СССР и Америки полнятся лучшими ожиданиями, еще раз убедиться, что в нашей стране место писателя, имя его, работа, личность и слава неизменно связаны с самыми важными делами, которые совершает страна, Партия, народ.

Лев КАССИЛЬ

СЕГОДНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ СОЛИДАРНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ

Во многих странах мира сегодня, 8 сентября, отмечается Международный день солидарности журналистов. В этот день шестьдесят лет тому назад был злодейски убит в гитлеровской застенке всемирно известный своими «Репортажем с петлей на шее» чехословацкий журналист Юлиус Фучик, жизнь и смерть которого служат примером беззаветного исполнения журналистского долга.

Международная организация журналистов опубликовала в связи с этим большое обращение к журналистам всех стран. Напоминая об осуждении национального героя Греции, редактора газеты «Авги» Маноласа Глеласа, о заточении главного редактора газеты «Альже републикен» Ари Аллега, о брошенных в тюрьмы десятки журналистов Алжира, Туниса, Южной Кореи, Турции и ряда других госу-

дарств, обращение призывает всех, «кому дороги провозглашенные Организацией Объединенных Наций права человека и в том числе свобода печати», решительно протестовать против этих преследований и требовать немедленного освобождения заключенных журналистов.

Обращение рекомендует делать взносы в международный фонд солидарности журналистов для оказания материальной помощи женам, детям и престарелым родителям тех, кто лишен свободы за то, что отстаивал право на свободу для всех».

Международная организация журналистов призвала работников печати расширять и укреплять сотрудничество, товарищество и солидарность, всеми силами способствовать разрядке напряженности и укреплению мира.

«Поезда дружбы». Это уже стало традицией. Из Чехословакии и ГДР, Румынии, Венгрии... Из многих стран доставляют «поезда дружбы» людей, желающих ближе узнать жизнь советского народа, познакомиться с гостеприимными москвичами и увидеть достопримечательности молодого дня для советской столицы. Вот и вчера, в канун Национального праздника болгарского народа — 15-летия народной Болгарии, радостное оживление царило на Комсомольской площади. Очередной «поезд дружбы» доставил большую группу туристов из братской страны. Двоих из них, взволнованных встреч с Москвой, вы видите на снимке — это Надежда Пенкова (слева) и Елка Колчева. Фото М. Трахмана.

Советы искреннего друга

ПРЕБЫВАНИЕ Никиты Сергеевича Хрущева в Вешенской, у Михаила Александровича Шолохова, его речь, произнесенная на станционном митинге, вызвали большой интерес среди всех работников литературы и искусства нашей страны. Мы гордимся тем, что руководитель нашей партии и правительства среди множества дел огромного государственной важности нашел время для встречи с писателем.

Н. С. Хрущев дал высокую оценку творчеству одного из виднейших художников слова нашей страны, в то же время подчеркнул мысль, что партия и правительство высоко ценят самоотверженное и искреннее служение наших писателей делу народа, их борьбу за

ми, за счастливое и светлое коммунистическое будущее. Как искренний, добрый товарищ, Никита Сергеевич уже неоднократно оказывал большое внимание творчеству мастеров литературы и искусства и на сей раз призывает нас глубоко и правдиво показывать рождение подвигов, раскрывать духовный мир нашего современника, его чувства, думы и стремления.

Новыми талантливыми произведениями наши писатели ответят на искренний призыв руководителя нашей партии и правительства.

Антанас ВЕНЦЛОВА

Открытое письмо литераторов Узбекистана

Литераторы Узбекистана обратились к писателям США, Англии, Франции, ФРГ с открытым письмом, в котором призывают их объединить усилия в борьбе против угрозы новой войны, за мир во всем мире.

Авторы письма возлагают большие надежды на предстоящую встречу Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра, выражают уверенность в том, что эта встреча будет способствовать разрядке международной напряженности, подготовит почву для совещания на высшем уровне.

«Мы глубоко убеждены, — подчерки-

вается в письме, — в пользу объединенных усилий. Писатели должны говорить, чтобы не загнорили оружие. Будем бороться вместе за мирное сосуществование государств с различными социальными-экономическими системами, за дружбу народов всего земного шара».

Письмо подписали видные литераторы и общественные деятели Узбекистана — академик Академии наук Узбекской ССР Айбек Гафур Гулям, поэтесса Зульфия, писатели Абдулла Наххар, Шараф Рашидов, Камилль Яшен.

применял полихлорвиниловую ленту. Это не что иное, как медицинская так называемая компрессионная ленточка, нарезанная на полоски шириной около сантиметра. Такую ленточку изготавливает Новосибирский химзавод. Применение ленточки вместо мотала экономит 100 процентов денег на гектаре питомника, повышает выход саженцев и удешевляет их. Убедившись в этом, мы раздобыли пять тысяч квадратных метров этой ленточки и разослали ее питомникам Западной и Восточной Сибири. Ответы пришли положительные отзывы. Казалось бы, нужно немедленно и широко внедрить этот новый материал в производство, но не тут-то было.

Питомники подчинены Министерству сельского хозяйства, а завод не входит в эту систему. И хотя Новосибирский завод не загружен и мог бы без всяких новых капиталовложений обеспечить все питомники Сибири, а может быть, и питомники всей Российской Федерации полихлорвиниловой лентой, этого не получается. Суть в междоумовственных распрях, в небудетельных ссылах на недостаток исходного сырья и т. д. Словом, воз не движется с места, и питомники вынуждены применять всяческие ухищрения, чтобы добыть эту ленточку в мизерном количестве в аттеках.

А как быть с вечными жалобами садоводов на недостаток и плохое качество так называемого мелкого садового инвентаря — ножей, секаторов, ранцевых опрыскивателей? Плохо обстоит дело с механизацией в колхозных и совхозных садах. Хорошо был трактор «Д-35» для обработки почвы в межурядьях сада, но сконструировала еще лучший, специальный садовый трактор. И вот выпуск «Д-35» почти прекратили, а выпуск нового садового гусеничного трактора так и не наладили. Но если, скажем, приспособить другой трактор (неплох в саду и «ДТ-14» и «ДТ-20»), то опять-таки нет орудий для обработки почвы. Мы, например, были вынуждены сами сконструировать к трактору «ХТЗ-7» культиватор для обработки почвы в межурядьях ягодников. На одном из заводов города Барнаула нам удалось изготовить целый сто штук таких культиваторов и раздать их садоводам. Но ведь это капля в море! На протяжении ряда лет мы не можем приобрести самоходные насосы «ДСН-14». А это насос могло бы резко улучшить работу в питомнике.

Все эти мысли возникают у меня, и у других садоводов в связи с предстоящим пленумом ЦК КПСС, на котором будут обсуждены вопросы сельского хозяйства. Садоводство, которое так любит наш народ, переживает темные болезни своего быстрого роста. Но мы верим и знаем, что наша страна войдет в коммунизм, сияя прекрасными садами.

М. А. ЛИСАВЕНКО, академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, директор Алтайской плодородной опытной станции

История, у которой еще нет конца

Д А, У ЭТОЙ истории еще нет конца. Началось, и продолжается, а конца нет как нет, хотя время идет и дни катятся за днями...

Итак, действие начинается в Туле. Тула ускоренными темпами создает большую химию. Сталиногорск, Шекин, Ефремов выходят ныне на передовые позиции семилетки. Немало сделало тульские химики сами, по собственной инициативе. Но вот столкнулись с трудностью: необходимо автоматизировать производственные процессы — такая же ныне химия без автоматики! А кадров соответствующих на месте нет. Некому возглавить это дело.

Естественно, что туляки обратились в Москву, где есть опытно-конструкторское бюро автоматики. «Фирма» солидная, зарекомендованная, прежде она принадлежала Министерству химической промышленности, теперь — Государственному комитету, Совету Министров СССР по химии. Туляки били челом: «Откройте, товарищи, у нас филиал вашего бюро. Выведите на передний край семилетки боевой разведывательный отряд. Нужен он нам дозарезу».

Москвичи в лице Г. Н. Кирикова, начальника опытно-конструкторского бюро автоматики, любезно откликнулись: «Поможем, чем сможем!» Так 22 апреля 1958 года появился протокол, согласно которому Министерство химической промышленности взяло на себя создание в Тульском экономическом районе филиала опытно-конструкторского бюро автоматики.

С той поры... завладела переписка. Тула напоминает, Кириков снова обещает. Тула торопит, Кириков надолго замолкает.

Натянулись дни за днями. Лето сменяло весну, а вот и осень уже на дворе. Только в середине октября 1958 года от Г. Н. Кирикова наконец пришел ответ. Ответ обстоятельный, что и говорить.

Вспомните, в чем жужжали туляки. В людях, которые смогли бы возглавить дело. В помощи научно-технической. В совместной разработке тематики... Вот в чем.

А что отписал им любезнейший Георгий Николаевич?

«...Прошу подобрать кандидатуры на должности начальника и главного инженера филиала и сообщить их фамилии, занимаемые в настоящее время должности и образовательный ценз для согласования кандидатур в Государственном комитете по химии. После утверждения кандидатур они (!) должны прибыть в опытно-конструкторское бюро автоматики для уточнения организационных вопросов, имея при себе планы помещений...»

Далее в письме Георгий Николаевич разъяснял тульским коллегам, сколь велики и обильны задачи, стоящие перед будущим филиалом. За разъяснение, как говорится, спасибо.

А на себя, значит, начальник бюро берет нелегкую обязанность «уточнения организационных вопросов»? Что ж, такая ноша плеч не ломит.

«...Но филиал-то нужен. И чем дальше, тем больше. Люди настоящие, туляки добились того, что строка о создании филиала опытно-конструкторского бюро автоматики появилась в правительственном документе, посвященном развитию химической промышленности в области».

Вот тогда-то (ну, положим, не сразу, а через месяц и девять дней) появился приказ по Государственному комитету по химии. Приказ от 9 июля 1958 года, которым начальнику управления оборо-

дования, аппаратуры и автоматизации тов. Овчинникову и начальнику опытно-конструкторского бюро автоматики тов. Кирикову предписывается в 1959 году организовать в Тульской области филиал, именуемый в дальнейшем...

Хороший приказ, жаль только, что не появился он годом раньше. Но стоит ли тужить? Хочется верить, что теперь-то уж все будет гладко.

И вот я в кабинете начальника управления. Осведомившись о цели моего прихода, Александр Яковлевич Овчинников начал разговор с сообщениями, что мы, дескать, могли бы и не делать... Не понял, я переспросил. Александр Яковлевич охотно пояснил, что речь идет про филиал: открыть его просили туляки... — так сказать, местная инициатива, и Комитет по химии свободно мог отказать. Тут же, однако, Александр Яковлевич спешно добавил, что приказов по Государственному комитету, конечно, не обсуждают. Приказ есть приказ. А сейчас тем более, когда все в полном порядке. Ажур. Деньги выделены, лимиты спущены, руководители филиала утверждены.

Признаюсь, последнее заявление Овчинникова меня особенно заинтересовало. «Помилуйте, в Туле цинк по отношению не слыхал?!» В голосе начальника управления послышались раздраженные нотки: «Они не слыхали, а мы, представьте, утвердили. На этих днях», Александр Яковлевич порывисто берет телефонную трубку, кого-то спрашивает и выясняет, что действительно утвердили, но... в Барнауле. И толкает о Туле, а Овчинников, оказывается, о Барнауле.

Как же так, Александр Яковлевич? Филиал в Туле нет и в помине, а вы вместе с товарищем Кириковым завыстроили 23 июля бумагу, где черным по белому напечатано, что тульский филиал организован.

— Кириков информировал меня перед отъездом в отпуск, что все сделано, — Александр Яковлевич нимало не смущился. — Ничего, утвердим и для Тулы.

Да, картина достаточно прояснилась. Кириков точно информировал Овчинникова, Овчинников конкретно «уточнил» Кириковым. А оба уже второй год проваливают важное дело. Не потому ли, что это «местная инициатива»?

«...Здесь, уместно припомнить, что говорил Н. С. Хрущев, вручая в феврале 1959 года орден Трудового Красного Знамени Сталиногорскому химическому комбинату».

«Наши ученые и инженеры внесли немало полезных предложений в области химии», — сказала тогда Никита Сергеевич, — но вот продвигать это или иное ценное новое предложение, воплотить его в жизнь иной раз бывает нелегко. Из-за бюрократизма и консерватизма некоторых работников приходится тратить немало сил и энергии. Вот эти бюрократические препоны на пути нового, прогрессивного мы должны ломать, и мы обязательно их сломаем!»

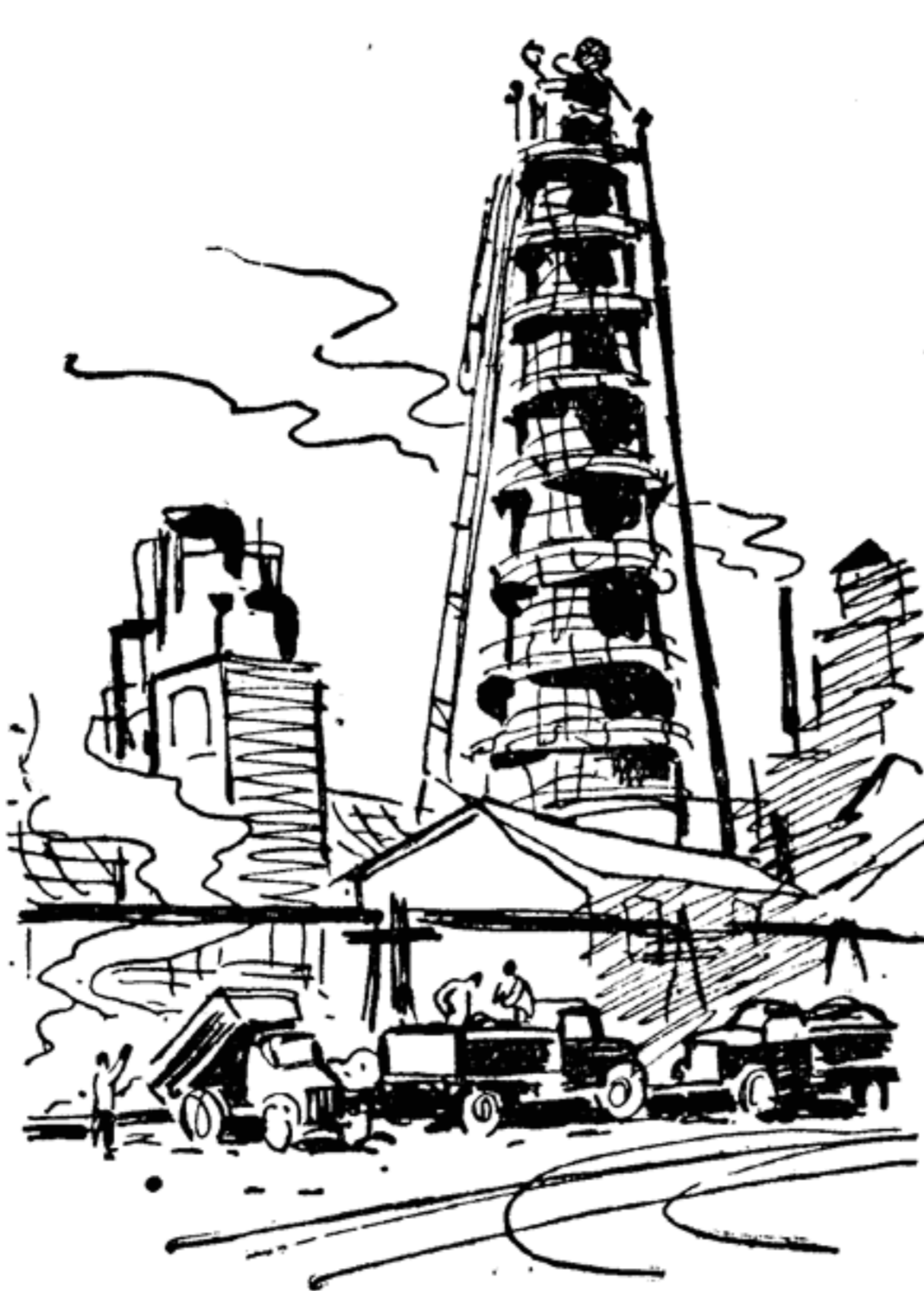
...З АТНУЛАСЬ эта история. По-прежнему дни за днями кончались, а у нее еще нет конца.

Но я верю в близкое и благополучное ее окончание. И рассказана она, эта нечаянная история, не только для того, чтобы посрамить Г. Н. Кирикова и А. Я. Овчинникова. А в наидлиннейшем тем, что должен аккумуляировать инициативу мест, что может и должен ускорить решение многочисленных конкретных задач, ежедневно, ежедневно рождаемых семилеткой.

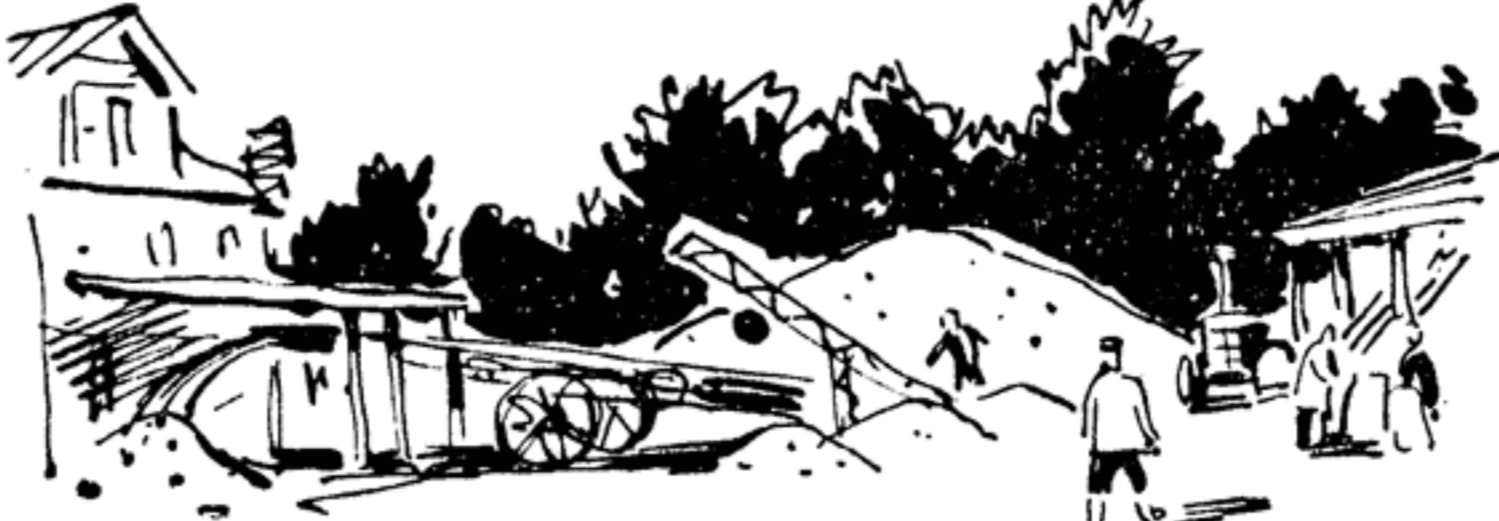
Павел ПОДЛЯШУК
ТУЛА-МОСКВА

КУБАНЬ СЕГОДНЯ

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА

Гулькевичский сахарный завод.

На элеваторном дворе совхоза «Кубань».

С базара в воскресный день.

ТАК УЧИЛ МАГОМЕТ...

МЫ СИДЕЛИ в старом махачкалинском парке на берегу моря, которое поэты любят называть «древним Хазаром», а очеркисты — «седым Каспием». Но тема нашего разговора была вполне современной. Мой собеседник, местный дагестанский писатель, говорил о новой поэме своего земляка Расула Гамзатова «Горянка». Горячо, увлеченно говорил он о том, какие важные жизненные вопросы поднимает автор, как смело, во весь голос, протестует против пережитков, на которые многие стыдливо закрывают глаза.

«Мне с детства знакома картина, живет и поныне она: В седле восседает мужчина, А зади летит жепа».

Спросил я однажды таково: — Далеко ли отравился, Рзу? — Жена, дорогой, нездорова, Вот видишь, в больницу везу.

Сюда, где сурова природа, Скалу подпирает скала, Кто многим горнякам свобода В докладах пока что пришла.

Обычай, высмеянный в поэме, имеет свою историю. Когда-то, очень давно, путь по горным тропам из аула в аул был труден и опасен. За уступами скал полтерегали хищные звери, а иной раз и враги, под ногами злыла бездна, и до смерти был один только шаг. Вот почему впереди шел мужчина, держа наготове оружие, а за ним — женщина, которая, естественно, приходящая нести на своих плечах всю поклажу.

Получить наглядное представление, как выглядела такая супружеская пара, можно и сейчас. Для этого не надо идти в музей краеведения — достаточно пройти по улицам Махачкалы. Правда, в руках у современного ахичка не будет оружия, разве что палка для бумаж или порфира, но, подобно своим древним предкам, он шествует вперед, величаво оставляя за собой ее исконное право — следовать за собой с более тяжелой ношей.

Пережиток укоренился, с ним примирились, зачислили в разряд «национальных традиций». А он, между тем, принимает все более уродливые формы. Как-то у одного сельского активиста, культурного, далекого от предрассудков человека, захворала жена. Пришлось ему самому вести хозяйство. Он пошел за водой в источник и рубил крова. Но делал это по ночам, когда спали соседи: не полагает мужчине заниматься «женскими делами», если он не хочет выставить на посмеяние собственную супругу.

Разговор с дагестанским писателем напомнил мне в Нахичевани, где произошла дикая для наших дней история. В жаркий осенний день во время сбора хлопка молодая колхозница сбросила ненадолго халат и... потеряла надежду вый-

ти замуж. От нее отвернулись все местные мужчины.

Нахичевань — один из немногих районов Азербайджана, где до сих пор сохранился чадра. И не случайно на одном из республиканских совещаний по идеологической работе благодарная речь представительница Нахичевани была превращена в ироническую реплику одного из руководителей республики.

— Ну, а с чадрой вы покончите в ближайшей семилетке?

Реплика встретила смехом и возгласами одобрения. Совершенно иную реакцию вызвала сообщение другого оратора о том, что во многих районах Азербайджана средние школы оканчивает не более 10—15 процентов девочек из числа поступивших в первый класс.

Ранняя выдача девушек замуж, чадра, многоженство — все эти и другие пережитки порождены мусульманской религией, и борьбу с ними нельзя вести в отрыве от антирелигиозной пропаганды. Убеждать в этом очень легко — стоить постыгать пожелтевшие страницы Корана. Чему же учил Магомед верующих, что проповедует он в своих откровениях?

Многочленные суры Корана дают ответ почти на любой житейский вопрос. Хотите знать, сколько жен может иметь истинный мусульманин? Пожалуйтесь: «не берите себе в жены более двух, трех или четырех из всех женщин, которые вам нравятся». Итак, если вы не хотите навлекать гнев Аллаха, не берите больше четырех жен. С одной из них вы регистрируетесь в загсе, а с остальными вас обручат мулла. Он же оформит развод, если вы пожелаете сменить одну жену на другую».

А вот заповедь о чадре, вероятно, появившаяся после того, как Магомед заповедил в имени Аишу — одну из своих четырнадцати жен (пророк нарушил собственный завет относительно численности гарема!). «О, пророк! Предиши женам и дочерям своим, а также всем женщинам верующих, чтобы покрывала их ниспадали до самого низа: так легче будет остаться неузнанным и избежать клеветы всяческой».

Правда, в Коране нет заповеди, разрешающей брать в жены школьниц и тем самым нарушать закон о всеобщем обучении. Остается открытым и вопрос о минимальном возрасте невесты. Здесь приходится ориентироваться лишь на личный пример пророка: он обручился с Аишой, когда ей минуло девять лет.

Многие приверженцы устаревших обычаев, особенно из числа молодежи, ничего не знают об их происхождении, следовательно им слепо, «по традиции». Не в этом ли одна из причин поразительной живучести вредных пережитков? В борьбе с ними бессильны общие слова и воинственные призывы. Нужна кропотливая разъяснительная работа, убедительные, доходчивые примеры из истории религии.

Почему бы нашим писателям не вспомнить замечательные традиции Мирзы Фатали Ахундова, Джафара Джабарлы,

Джалила Мамедкулизаде и других классиков азербайджанской литературы, гневно бичевавших не только вредные привычки и обычаи, но и тех, кто насаждает и поощряет их, — служителей культа, религиозных фанатиков и мракотворцев?

Вотуться с пережитками одним только лекциями, пусть даже очень хорошими, нельзя. Лучшее средство слово иной раз действует сила примера. Вспомним, что в первые годы Советской власти во время представления пьесы Джафара Джабарлы «Севиль», где героиня по злой воле бросается чадру, многие зрители изредка туг же в театре следовали ее примеру. Где они, новые зажиточные пьесы, рассказы, повести, где гневное писательское слово, обличающее бытовые и религиозные предрассудки?

«О, женщина гор, пред тобою во многом поэты грешны», — справедливо замечает автор поэмы «Горянка». Да, виноваты не только поэты, но и прозаики, драматурги.

Нам кажется, что в борьбе с феодально-байскими пережитками допустить ошибку: о них говорят и пишут обычно с добродушной иронией, как о случаях единичных, из ряда вон выходящих и потому не вызывающих никакой тревоги. Неверно это! О том, насколько распространены и живучи некоторые «обычаи», можно судить, побывав в азербайджанских семьях. Не всегда женщина идет вместе с мужчиной за стол и берет участие в общей беседе. В наших восточных республиках все еще существуют дома, разделенные на мужскую и женскую половины.

Пытаться искоренить все эти пережитки лишь административным путем — неумно и бесполезно. В свое время в Таджикистане репидил раз и навсегда покончил с паранджой. Женщины под покрывалом не пускали в общественные места: в театры, на рынок, в автобусы. В театрах они и без того бывали редко, а при входе на рынок снимали паранджу и немедленно надели ее, выходя обратно.

И все же административные меры необходимы. Но применять их надо не в отношении женщин. Ведь в том, что «по многим горнякам свобода в докладах пока что пришла», повинны главным образом мужчины — мужья, отцы, братья. Почему бы не судить общественным судом, не привлекать к строгой ответственности тех, кто слышит на работе активистом и первоходком, а дома культивирует гаремный порядок!

Чем быстрее мы идем в наше светлое завтра, тем тяжелее, обременительней становится груз старых, давно отживших традиций, явственно ощущается их нецелесообразность и огромный вред. С такой ношей нельзя войти в коммунизм. А раз так, надо поскорее от нее избавиться — решительно и бесстрашно.

Ю. ДАШЕВСКИЙ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

БАКУ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Метод доктора Обельницкого»

С ТАТЬЯ под таким заголовком, опубликованная 11 августа в «Литературной газете», вызвала множество вопросов читателей. Что думает о методе доктора Обельницкого врач-онколог? — вот один из вопросов, который волнует авторов бреднистого писем. Что собирается предпринять Академия медицинских наук? — спрашивают читатели.

Наш корреспондент обратился к старшему московскому онкологу доктору медицинских наук профессору Я. М. Брускину с просьбой высказать свое мнение о вопросах, поднятых в статье.

Нижже мы публикуем интервью с Я. М. Брускиным и ответ Академии медицинских наук.

— Меня, онколога с сорокалетним стажем, разговор, поднятый на страницах «Литературной газеты», искренне порадовал — сказал Я. М. Брускин. — Я рассматриваю его прежде всего как общественный призыв к общим усилиям в борьбе против опухолевых заболеваний. Мобилизация таких усилий совершенно необходима. И прежде всего, как правильно пишет газета, нужно широчайшим образом пропагандировать раннюю диагностику.

Не говоря даже о лабораторных методах, я считаю, что в руках советских врачей имеются чрезвычайно богатые возможности для выявления опухолей на ранних стадиях. Рентгеновский аппарат стал на глазах одного поколения достоянием каждой поликлиники. Широко применяются в наших лечебных учреждениях рентгенодиагностика, зоогастрономия и другие методы клинического обследования. Но всегда ли врачи полностью используют имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы в самом зародыше распознать опасную болезнь? Боюсь, что не всегда.

И виновата здесь не алая воля медиков, а темпальные обстоятельства, что врачи — терапевты, хирурги, гинекологи — зачастую недостаточно еще владеют онкологическими знаниями. Между тем больной, страдающий раком, прежде всего попадает на прием к терапевту и хирургу. К онкологам он является с кипой анализов и заключений через 2—3 месяца после возникновения заболевания, когда о ранней диагностике уже нечего и думать. Министерству здравоохранения надо серьезно задуматься над тем, чтобы на базе наших онкологических диспансеров (а их в стране вполне достаточно) обучать врачей других специальностей теории и практике самого раннего распознавания опухолевых болезней.

Лабораторные методы, которые применяются у нас недостаточно, также должны войти активным оружием в арсенал врачей. «Литературная газета»

обратила особое внимание на метод доктора Обельницкого. Я верю в достояние этого метода, верно, поскольку давно известно, что раковые заболевания (нужно еще раз подчеркнуть, что речь идет о нескольких формах болезни) действительно сопровождаются появлением в крови больного особых раковых белков. Вполне естественно, что и коагулируют, сворачиваются такие белки по-иному, нежели белки здорового человека. Доктор Обельницкий применил, таким образом, вполне достоверное биологическое явление.

Но мне хочется подчеркнуть то место в статье М. Поповского, где совершенно правильно говорится, что проба Обельницкого не исключает другие методы диагностики рака. Исследования моей сотрудницы Р. П. Мартыновой (пронзвездены, правда, еще до работ Обельницкого) показали, что только комплекс из разных лабораторных проб позволяет врачу точно диагностировать рак в девяти случаях из десяти. Поэтому я считаю, что наряду с пробой Обельницкого надо дать дорогу в наши лаборатории и другим, пусть даже не столь точным пробам.

Но, давая располагая несколькими проблемами, медик не должен ограничиваться показанием пробирок: распознавание болезни — большое искусство и большой труд врача, труд, основанный на многообразных знаниях. Развивать в себе диагностическое умение — вот что обязательно для каждого из моих коллег.

В заключение несколько слов, касающихся уже не самой статьи, а того, как воспринял ее кое-кто из читателей. Некоторые мои пациенты и далекие от медицины знакомые, прочитав газету, полагают так, что метод Обельницкого — якобы метод лечебный. Мне говорили, что и в редакции обращаются многие люди, желающие «лечить» как и где доктор Обельницкий «лечит» больных. Это — недоразумение. В статье «Метод доктора Обельницкого» речь идет лишь об одном из профилактических, предупредительных приемов медицины и в значительной степени относится к здоровью, нежели к больным.

В РЕДАКЦИЮ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Академия медицинских наук СССР дала указание Институту экспериментальной и клинической онкологии в Москве и Институту онкологии в Ленинграде провести практическую проверку ценности диагностической пробы, предложенной врачом Я. П. Обельницким, с тем чтобы закончить изучение этого вопроса к концу 1959 г.

Результаты проверки будут сообщены.

Эта проба проверялась около 5 лет назад в институте рака проф. Отневича и не дала достаточно хороших результатов.

А. БАКУЛЕВ,
президент Академии медицинских наук СССР, академик

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ Академии наук вышел первый том трехтомной истории русской советской литературы. Событие произошло немаловажное: советская литература и советское литературоведение в том числе — дожили до академической истории.

Уже легкое знакомство с томом убеждает, насколько это издание обстоятельное, солидное предыдущих очерков. Здесь и коллективная глава о зарубежных связях советской литературы 20-х годов, — насколько мне известно, первый подобный опыт.

Здесь и сделанный Н. Динушкиным обзор литературных журналов 1917—1929 годов. В сложной сумятице противоречивых литературно-эстетических тенденций, определявших извилистый путь почти каждого журнала. Н. Динушкин удалось проложить фаворит, отграничить мелководье и тиски заводи от основного стремительного русла. Теперь можно представить себе реальный облик тогдашних журналов, их вклад в литературу; а ведь журналы того времени обычно помнили только в связи с какими-нибудь ошибочными статьями, опубликованными в них.

Да и кроме того, эта глава заполнила еще одно существенное звено в попытках воссоздать литературный процесс.

Но, пожалуй, особую нужду отметить хронологию литературной жизни в первые тринадцать лет Советской власти.

Хроника занимает почти треть книги и читается едва ли не с большим интересом, чем «собственно исследования» часть. Скятое изложение многих сотен фактов литературной жизни крайне нужно сейчас: ведь наше литературоведение в недавние годы было лишено возможности работать на фактическом материале всей литературы.

Кроме этих черт книги, видных, как говорится, даже неподготовленному читателю, она свидетельствует и о более глубоких сдвигях.

Достаточно сравнить обзорную главу Л. Тимофеева с аналогичной его статей в сборнике Учредителя «Русская советская литература» или с его же главой о литературе периода гражданской войны, представленной в издании Московского университета, — и сразу

Первый том

А. БОЧАРОВ

становятся ясными, насколько здесь другая — в хорошем смысле слова академический — тон разговора. Широкий литературский тон позволил теперь Л. Тимофееву дать зрелую, глубокую характеристику процесса, впервые для подобных глав поставить проблемы метода и проследить этапы его становления.

Удачна композиция книги. Обильная фактами хроника, энергичная и глубокая вводная глава дополняются группой монографических статей. Но и монографические статьи не только богаче по фактам, чем справлялся с этой задачей авторский коллектив, определяется успех подобных книг.

И первое, о чем надо сказать, оценивая, как предстает в книге литературный процесс, — о чрезвычайной бедности художественных характеристик. С грустью думаю, насколько все-таки сама литература шире литературоведческого знания. Большинство статей написано казенным литературоведческим языком (а бы даже риснула сказать — жаргоном) — о разных писателях сказано одинаково: «очень ярко... Фурманов раскрыл», «особенно ярко... раскрывается», «с большим мастерством передается», «большой интерес представляет» и т. д. Такие пустые бочки, лишенные реального содержания, достаточно громко тархатят во многих главах. Впрочем, иногда авторы даже не прибегают к этому: так называемый художественный анализ предстает во всей своей бедности, как будто сказано об одном из стихотворений В. Брюсова: «Брюсов зал интеллигентно понять колоссальное историческое значение Октября, сблизиться с массой, совершающей революцию, несмотря на то, что в этом процессе мог встретиться и отрицательные явления; и хотя значительная часть народной массы еще недостаточно культурна, — она вершит великое дело (Только русский!)».

Право, иногда начинаешь понимать недовольство писателей критикой... На фоне такой литературоведческой сухоти как чужеродное тело выделяются главы покойного М. Шеллова о Вс. Иванове и К. Зеллинского о С. Есенине. Авторы обеих глав — каждый по-своему — умеют видеть художественное произведение, анализировать образ, а не совкупность идей, говорить о литературе ясным, богатым языком. Не знаю, как обстояло дело с главой М. Шеллова, но глава К. Зеллинского писалась не для академического издания: в ее основу положена вступительная статья у Борину стихов С. Есенина.

Я стараюсь уклониться от вылавливания мелочей, тем более что наж-

История русской советской литературы. Издательство Академии наук СССР, Москва, 1958.

КНИГИ БУДУЩЕГО ГОДА

П ЛАНУ Государственного издательства художественной литературы на 1960 год было посвящено недавнее заседание коллегии Министерства культуры СССР.

План Гослитиздата обширен — в нем 643 названия книг. Свыше ста томов отведено подписным изданиям. В будущем году подписчики получают последние тома собраний сочинений В. Жуковского, А. Островского, А. Серафимовича, А. Твардовского, А. Толстого, А. Фадеева, Шолом Алехайна, М. Твена, Л. Арагона, Т. Манна. Намечено открыть подписку на одиннадцать новых собраний сочинений. Среди них два юбилейных: Л. Н. Толстого — в двадцати и А. П. Чехова — в двенадцати томах.

В «Библиотеке классиков русской литературы» готовятся новые собрания сочинений М. Горького в 18 томах, И. Гурьева — в 10, будут начаты также издания произведений С. Есенина в 5 томах, А. Блока в 4, Л. Леонова в 9, В. Шшкова в 8, Д. Фурманова в 4 томах. Намечены к выпуску четвертомомное собрание сочинений М. Пуймановой и шестнадцатитомное издание В. Скотта.

Массовыми тиражами выйдут в свет книги к 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого и столетию со дня рождения А. П. Чехова.

Издательство художественной литературы начнет новую серию «Библиотека советской прозы». В 1960 году выйдет 41 книга. В нее входят главным образом произведения, включенные в программу университета культуры. В другой новой серии — «Рассказы советских писателей» (14 книг) собраны лучшие образцы этого жанра, опубликованные за последние годы. Предполагается начать выпуск и еще одной массовой серии — «Избранная проза зарубежного Востока».

Литература народов СССР представлена в плане Гослитиздата 89 книгами в переводе с 22 языков.

Готовятся к печати три новые антологии — армянской, дагестанской и молдавской поэзии.

Около двухсот книг в плане будущего года посвящено литературе стран народной демократии и капиталистических стран.

В разделе «Критика и литературоведение» — 56 монографий и сборников статей по вопросам теории литературы и эстетики. В серии книг «Памятник мировой эстетической и критической мысли» намечены к изданию сочинения Д. Дидро, Н. Добролюбова, Р. Люксембург.

Общий тираж книг Гослитиздата достигнет в будущем году восьмидесяти трех с половиной миллионов экземпляров.

Кадр из фильма «Жестокость». Б. Андреев — Лазарь Баукин, Г. Юматов — Веняки Малышева.

РОДНИК ПОЭЗИИ

Н ЕДАВНО я побывал у синих ледников Эльбруса. Вновь изумила меня своей первозданной чистотой и свежестью вода, вырывающаяся из-под вечных снегов. Испытываясь в этом хорошо изданной, полюбившейся воде, которая, бросаясь с орлиных высот, образует вину мощные реки. Нет, подобие чувствуем мы каждый раз, когда близко соприкасаемся с поэзией любого народа.

Давно знаком я с фольклором чеченцев и ингушей и с творчеством их поэтов. Нас связывают давняя дружба и общность судеб наших народов. Но в таком полном виде чечено-ингушская поэзия впервые предстала передо мной в этом хорошо изданной, полюбившейся воде. Готовая, горячая, искренняя. В ней запечатлены многие события жизни народа на протяжении его истории — от борьбы крестьян против феодалов до света новой электростанции в горном ущелье. Рядом с изображением подвигов народных храбрецов в старинных песнях и сказаниях, в песнях, стихах и поэмах современных поэтов встают образы вождя Октябрюской революции и героев гражданской и Отечественной войн. Бурка всадника и красный галстук пионера развеваются рядом.

Свет советской жизни в горах, новые отношения между горцами, подвиги в боях, труд и победы, радости и горести описаны в стихах Дж. Андиева, Магомета Мамакаева, Х. Муталиева, Р. Ахматовой и Чечено-Ингушских поэтов.

Поэты Чечено-Ингушетии видят и понимают прошлое и настоящее своей родины, разнотипно выразили между ними. Это поэтически выразил Джемал Яндиев в своих колыхельных.

В небо кружится черный ворон, Мир укрыт беспросветным горем, — поется в старой песне.

— Вот сегодня молодая мать перенуку. У моего из лучших чеченских и ингушских поэтов своя посадка в седле. Тропы на горных склонах, на первый взгляд, похожи друг на друга, но внимательный глаз горца не спутает их. Так и поэты Чечено-Ингушетии, несмотря на единство тематики и сходство некоторых поэтических приемов, отличаются друг от друга. Стихи Магомета Мамакаева, склонного к эпическим краскам, большим темам и масштабности, любящего мужественные ритмы, яркие образы и героические мотивы, не спутаешь с лирическими стихами Джемалда Яндиева, эмоциональными, напряженными, как натянутая тетива. У Нурдина Музаева — стремление к ораторским интонациям, в стихах Хаджи-Бекрира Муталиева радуют бытовые детали и едва уловимый юмор.

Возьмите, например, стихи Н. Музаева «Нефть»:

Как я слышу, Как в мощных сосудах завода Бежит наша нефть, Наша кровь. Мне-люб ее запах, — Не преклобов, — Им пахнут нефтяники — дети народа.

Перевел с чеченского С. Липкин

ВЫШЛИ В СВЕТ...

- Андреев В.** Капля меду. Стихи. Горьковское книжное издательство. 86 стр. 3 000 экз. 1 руб. 30 коп.
- Андреев А.** Звезда поколений. Стихи. Ленинград. 88 стр. 2 000 экз. 1 руб. 50 коп.
- Гумель П.** 126 000 вопросов. Фельетоны, басни, сатирические стихи. Ростовское книжное издательство. 132 стр. 15 000 экз. 2 руб. 10 коп.
- Киевский А.** Весенняя черемуха. Рассказы. Красноярское книжное издательство. 87 стр. 15 000 экз. 1 руб. 25 коп.
- Жилкин В.** Избранные стихи. Архангельское книжное издательство. 147 стр. 3 000 экз. 2 руб. 40 коп.
- Иванов В.** На берегах Подкаменной Тунгусы. Рассказы. Красноярское книжное издательство. 95 стр. 15 000 экз. 1 руб. 50 коп.
- Костин В.** Место в жизни. Рассказы. Саратовское книжное издательство. 219 стр. 15 000 экз. 2 руб. 60 коп.
- Курбановесов Н.** Дед Таймас. Поэма. Перевод с тувинского А. Кайнагуза. Аш-хабад. Государственное издательство Туркменской ССР. 37 стр. 7 000 экз. 95 коп.
- Лубнин Л.** Населения. Рассказы. Кировское книжное издательство. 131 стр. 5 000 экз. 2 руб. 13 коп.
- Наша «Кочегарка».** Очерки, рассказы, стихи. Сталинское областное издательство. 235 стр. (Иллюстрации Физик и заводов). 10 000 экз. 6 руб. 25 коп.
- Петровченко Н.** Сахалинские новь. Стихи. Южно-Сахалинское, Сахалинское книжное издательство. 73 стр. (Поэты Сахалина). 2 000 экз. 1 руб. 20 коп.
- Оп В.** Не скупится голова. Повесть. Кн. 1. Краснодарское книжное издательство. 240 стр. 30 000 экз. 5 руб. 30 коп.
- Рамазанов Б.** Физики на скалах. Стихи. Перевод с дагестанского «Молодая гвардия». 80 стр. 3 000 экз. 3 руб. 10 коп.
- Рубинов А.** Друзья походу. Рассказы. Издательство «Советская Россия». 104 стр. (Короткие повести и рассказы). 90 000 экз. 95 коп.
- Цаголов Г.** Избранное. Стихотворения, проза. Орджоникидз. Северо-Осетинское книжное издательство. 184 стр. 3 000 экз. 3 руб. 85 коп.

Позия Чечено-Ингушетии. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1959.

И вот короткое обращение Х. Муталиева к «Древнейшей чаше»:

Ты ли будешь в обиде, Что натиском громким Вместе с веком Столкнуло тебя в забытья, Что на полках Фарфоровым звонком потомкам Уступила ты Старое место свое.

Перевел с ингушского С. Липкин

Чувствуется собственная, сердечная интонация и у молодой поэтессы Рансы Ахматовой, посвящающей стихи женской любви, ее радостям и огорчениям, чувству материнства.

Работа переводчиков в основном представляется мне хорошей. В книге рядом с переводами поэта помещены блестящие переводы народных песен, выполненные Н. Тихоновым, С. Липкиным и А. Тарковским.

Может быть, я отстаю от неписанных канонических рецензий, но хотя я хорошо вижу промахи и изъяны моего чечено-ингушских друзей, — так же как они — недочеты моей работы, — говорить о недостатках я не стану, потому что обрадованный меня в книге гораздо больше. Я соприкоснулся с настоящей поэзией. Это главное!

Кайсык КУЛИЕВ
НАЛЬЧИК

Жизнь и смерть Веньки Малышева

СЛУЧИЛОСЬ так, что герой советской повести — и герой не в том условно-литературном смысле, который означает всего лишь главное действующее лицо, а в истинном смысле — герой, которого хочется и любить, и уважать, и подражать ему, застреленному. Это вызвало смуту в части читателей. Как же так? Застрелился Веняки Малышев, комсомолец старшего поколения начальника угрозыска по секретно-оперативной части. Стрелен был в изгнанном ресторане, под чуткое дозорное ведение, застрелился «от любви», как шептались обыватели заштатного сибирского городка.

Конечно, проще всего было бы осудить его, квалифицировав этот поступок как трусость. «Самоубийство при всех обстоятельствах не наш метод и, разумеется, не наш, но советский аргумент. Таким образом, в основе этого печального факта лежит грубая политическая ошибка, а бы даже сказал, политическая бестактность. И этого мы не можем простить Малышеву».

Можно было бы, конечно, сказать и так, но беда в том, что эти «правильные» слова уже произнес Язук. Яков Узелков, собственный корреспондент губернской газеты, венякин антипод и косвенный виновник его смерти. И значит, дело не такое простое, и надо вновь и вновь разбираться в том, почему застрелился Венякин Малышев...

Выявется изредка так, что большая и важная тема в творчестве писателя — даже хорошего — прорезывается поздно, как зуб мудрости. А вместе с ней приходит большое признание. 19 лет тому назад Павел Нилин опубликовал повесть «О любви». И хотя в ней сохранилось уже история Веняки Малышева, повесть оказалась сначала незамеченной, а потом забытой. Никто не стал ее читать, а потому забытой. Не странно ли? А ведь повесть — это не столько рассказ, сколько трагический анекдот. Ну, застрелился. Ну, от любви. Глупо, конечно.

Никто, кроме автора. Понадобились немалые годы — с 1940 по 1956, чтобы Нилин по-новому увидел жизнь и смерть Веняки Малышева. В 1956 году он написал повесть «Жестокость». Потом киносценарий «Жестокость». По сценарию сняли фильм «Жестокость». И оказалось, что Веняки Малышев застрелился не от любви.

Как известно, экранизация объединяет произведения литературы. И фильм «Жестокость» не составляет в этом смысле исключения. Но не станем слишком винить в этом молодого режиссера В. Скуйбина. Должно быть, очень трудно втиснуть в полтора часа кинематографического времени двести с лишним страниц хорошей прозы, ничего при этом не обронив.

Тем более ниллинской прозы. Повесть написана сложно-разветленно и углубленно-вдумчиво. Автор осторожно и внимательно вытаскивает каждую тонкую ниточку из запутанного сплетения судьбы Веняки Малышева и его начальника, бандита Лазаря Баукина, красивую кассиршу Юлю Малышеву и тещу-вдовушку Якову Узелкова. Его память восстанавливает малейшие подробности венякинских дел с прежним восторгом младшего товарища и с доходящей объективностью следователя. Повесть развивается как в двух планах. Один — непосредственно жизненный, связанный с помпой бандита Лазаря Баукина, с попытками Веняки добиться его души, с историей о том, как Лазарь Баукин помог «повязать» императора всей тайги Константина Воронцова, а начальнику угрозыска счел за государственную необходимость присвоить честь этой важной операции. План этот связан также с любовью Веняки к Юле Малышевой и непрошенным вторжением в его жизнь всезнающего «собственного корреспондента» Якова Узелкова, которому роковым образом попало в руки венякин личное письмо...

Другой план — исторический, связанный не столько с биографией Веняки, сколько с нашим временем. Перехватившись делами своей юности, автор хочет вновь и вновь, в влиятельные перспективы прожитого, осмыслить его прямую, ясную жизнь и короткую странную

М. ТУРОВСКАЯ

смерть, нелепые случайности и глубокие закономерности его судьбы.

Режиссер честно старается сохранить все, вплоть до этого подспудного исторического движения повести, хотя, конечно, голос за кадром, который как бы рассказывает и размышляет о прошлом, не в силах выполнить эту задачу сколько-нибудь полно.

Режиссер следует за автором шаг за шагом, сколь это позволяет специфика экрана и краткость отпущенного героями фильма экранного бытия. Можно утверждать режиссера и оператора (Т. Лебедев) в робости. Действительно, изобразительное решение фильма лишено броского, уверенного в себе своеобразия. Не снять картину смелее, ярче, эффективнее, в духе восклицательных корреспондентских Якова Узелкова было бы легко. Сохранить же видимую ниллинскую простоту, даже простоватость интонации оказалось гораздо труднее. Режиссер направил свои усилия в эту именно сторону и хотя не одержал полной победы, все же был вознагражден рядом актерских удач.

Можно было бы немало сказать о неуслышанном, строгом и приглядистом музическом вкус, каким наделен вращающегося бандита Лазаря Баукина В. Андреев. О добродушности в жизни личной и опасно-самоубийственной на государственной службе глупости начальника (Н. Крючков). О сдержанном чувстве собственного достоинства, с каким играет трудную роль Веняки Малышева Г. Юматов. И о немаловажной для фильма неудаче В. Андреева в роли Якова Узелкова.

НО ГОВОРИТЬ хочется не об этом. Не о режиссере и операторе, не о Борисе Андрееве и Юматове, а о Веняке Малышеве, его друзьях и врагах.

Вот в отдаленках нашего огня серьезные, строгие лица Лазаря Баукина и Веняки. Ночной, серьезный мущик с разогнутым А. ты не обманешь? — спрашивает Лазарь и глядит не на Веняку, а как бы в себя самого, в свое страшное и уже бессмысленное бандитское прошлое. Может быть, он и не точно так спрашивает (я цитирую его слова по памяти), и в конце концов для него даже не это сейчас главное. Веняку недаром долго «встряивал» ему башку разными вопросами, и сейчас для него главное, что затанцовалось прошлое надо как-то кончать. А дальше...

Но для Веняки главное именно это «дальше».

Очень хорошо и важно, что Лазарь Баукин отдает в руки властей неуловимого и грозного «императора всей тайги» Костю Воронцова. Но, может быть, еще лучше и главное, что сам он, Лазарь, охотник и смельчак, толковый, самостоятельный сибирский мужик, становится из бандита человеком. Ради этого стоит таскать на посяе наган, вскакивать ногами на «происшествия» и вообще служить в угрозыска.

Веняка очень серьезно отвечает Лазарю. Нет, он его не обманет. Он говорит правду, всегда только чистую правду. Он смело говорит от имени Советской власти, потому что и власть эта создана ради правды. Ложь, неправда нужны тем, кто боится. Советской власти ложь не нужна.

И Лазарь — угрюмый, зловещий, недоверчивый — с непривычкой доверчивостью смотрит в чистое, мальчишеское и усталое венякинское лицо. Значит, правда все-таки существует. И если уж кому-нибудь так... А Веняка даже еще не в партии. Он пока только комсомолец...

А потом на заснеженном тропе, по которому до смешного мирно и даже буднично плетутся розвальни с Костей Воронцовым, «повязанным» Лазарем, молоддевает вылетает начальник на гардушечном коне. А за ним вереница курсантов, и Лазарь Баукин, который только что конвоировал бывшего своего атамана, сам оказывается под конвоем. И Веняка с мрачным и прямым лицом становится рядом с ним...

Быть может, Н. Крючков немного слишком угрумет личные мотивы той логи, которую предлагает Веняка начальнику. Он слишком откровенно и жадно говорит о прошлых нападках и это мельтит образ начальника. У Ниллина он с бессознательной, но достаточной подлой демагогией готов присвоить себе заслугу поимки Кости Воронцова, а задно и Лазаря Баукина, но не ради себя, ради авторитета своего учреждения, ради авторитета властей...

Так врывается в жизнь Веняки неправда, ложь. Я даже жить не могу, — с отчаянием говорит он, сидя за столиком в ресторане и бессознательно кокая в руке письмо к Юле, возвращенное ему Узелковым. Сейчас его друг встанет, а он, отбросив прочь письмо, расстегнет кобурку нагана...

Незаконоченности мысли автора, а жидкой, выверенной точкой. Может быть, Веняка не стоило говорить об этом, появление этой статьи, случайное определение метода критическое не очень часто и употребляется в соответствии с правилами общепринятой пунктуации... «В романе многооточные встречается часто»!

Изучение романов М. Горького, А. Толстого, Г. Федина, долги дни напряженного труда привели к желанному выводу: «Многооточные характерно для речи персонажей и употребляется в целях передачи волнения, горячего или незаконченности мысли».

На этом и обрываются ученые записки И. Федосова. И не многооточие, которое свидетельствовало бы о неуверенности или

незаконоченности мысли автора, а жидкой, выверенной точкой. Может быть, Веняка не стоило говорить об этом, появление этой статьи, случайное определение метода критическое не очень часто и употребляется в соответствии с правилами общепринятой пунктуации... «В романе многооточные встречается часто»!

Изучение романов М. Горького, А. Толстого, Г. Федина, долги дни напряженного труда привели к желанному выводу: «Многооточные характерно для речи персонажей и употребляется в целях передачи волнения, горячего или незаконченности мысли».

На этом и обрываются ученые записки И. Федосова. И не многооточие, которое свидетельствовало бы о неуверенности или

слишком угрумет личные мотивы той логи, которую предлагает Веняка начальнику. Он слишком откровенно и жадно говорит о прошлых нападках и это мельтит образ начальника. У Ниллина он с бессознательной, но достаточной подлой демагогией готов присвоить себе заслугу поимки Кости Воронцова, а задно и Лазаря Баукина, но не ради себя, ради авторитета своего учреждения, ради авторитета властей...

Так врывается в жизнь Веняки неправда, ложь. Я даже жить не могу, — с отчаянием говорит он, сидя за столиком в ресторане и бессознательно кокая в руке письмо к Юле, возвращенное ему Узелковым. Сейчас его друг встанет, а он, отбросив прочь письмо, расстегнет кобурку нагана...

Быть может, Н. Крючков немного слишком угрумет личные мотивы той логи, которую предлагает Веняка начальнику. Он слишком откровенно и жадно говорит о прошлых нападках и это мельтит образ начальника. У Ниллина он с бессознательной, но достаточной подлой демагогией готов присвоить себе заслугу поимки Кости Воронцова, а задно и Лазаря Баукина, но не ради себя, ради авторитета своего учреждения, ради авторитета властей...

Так врывается в жизнь Веняки неправда, ложь. Я даже жить не могу, — с отчаянием говорит он, сидя за столиком в ресторане и бессознательно кокая в руке письмо к Юле, возвращенное ему Узелковым. Сейчас его друг встанет, а он, отбросив прочь письмо, расстегнет кобурку нагана...

незаконоченности мысли автора, а жидкой, выверенной точкой. Может быть, Веняка не стоило говорить об этом, появление этой статьи, случайное определение метода критическое не очень часто и употребляется в соответствии с правилами общепринятой пунктуации... «В романе многооточные встречается часто»!

Изучение романов М. Горького, А. Толстого, Г. Федина, долги дни напряженного труда привели к желанному выводу: «Многооточные характерно для речи персонажей и употребляется в целях передачи волнения, горячего или незаконченности мысли».

На этом и обрываются ученые записки И. Федосова. И не многооточие, которое свидетельствовало бы о неуверенности или

Есть граммофонные пластинки, которые продаются в магазине «Книжка» и в квартире В. И. Ленина в Кремле, о исполнителе усадьбы Л. Н. Толстого, о Доме-музее П. И. Чайковского в Клинку... Их выпускают граммофонно-музыкальные издательства Всероссийского театрального общества. В этой единственной в стране лаборатории, где изучают возможности использования грамзаписи, рождаются пластинки самого разного, порой неординарного содержания. Одних тематический, других — академическое собрание — сто видов. Мастерская совместно с Центральным Домом народного творчества готовят уникальное издание, которое будет в продаже университетской культуры. Это — иллюстрированная восьмью пластинками «Музыкальная грамота» для учащихся педагогических институтов имени Герасименко.

Приближается столетие со дня рождения А. П. Чехова экспериментальный цех отмечает юбилейный юбилейными пластинками о латинском Доме-музее в г. Ленинграде.

МАСТЕРСКАЯ УДИВИТЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ

Вот как! — восклицает изумленный читатель. И уж теперь не с платого на десерт, а с должным уважением и заботой, подрастающему поколению прочтенное исследование И. Федосова «К вопросу о функциях знаков препинания в романе» (Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета. 1958). Отметим, что «знаки препинания выполняются в романе те же функции, которую они выполняют и в других произведениях, то есть помогают членить речь на законченные по смыслу части», автор делает открытие за открытие: «Двоеточие встречается намного реже, чем запятая... Точка с запятой в романе не очень часто и употребляется в соответствии с правилами общепринятой пунктуации... «В романе многооточные встречается часто»!

Изучение романов М. Горького, А. Толстого, Г. Федина, долги дни напряженного труда привели к желанному выводу: «Многооточные характерно для речи персонажей и употребляется в целях передачи волнения, горячего или незаконченности мысли».

На этом и обрываются ученые записки И. Федосова. И не многооточие, которое свидетельствовало бы о неуверенности или

Отрвано произведение от жизни — тоже романтизм: «Отрванность поэзии от конкретной, реальной обстановки» составляла, по мнению Л. Тимофеева, «одну из существенных причин ограниченности революционной романтики в литературе первых лет революции».

Вся эта путаница идет, конечно, от недостаточно глубокой разработки теоретических основ социалистического реализма, от смешения романтических приемов типизации и романтики в жизни.

В А ПОСЛЕДНИЕ годы наше литературоведение стало более широким, научилось объективнее показывать литературный процесс. Вот и сейчас в книгу введены новые факты, внесены заметные, хотя на первый взгляд и незначительные изменения в трактовку многих литературных явлений. Не замываясь на крупные факты, ограничиваясь совсем малой деталью. Касаясь известной в 1928 году В. Ермолова, выдвинутой в «жизни» чеховской прозы, Тимофеев пишет: «Хотя В. Ермолов превеличайшую роль биологического и психофизиологического человека». А вот что было написано в «Очерке истории русской советской литературы», изданном тем же Институтом мировой литературы в 1954 году: «Изображение человека в его реальных связях и поступках, в его социальной среде, исторической конкретности подменялось абстрактным анализом чувств и настроений, повышенным интересом к сфере подсознательного, интуитивного».

Разница, как говорится, небольшая, но существенная.

На многих страницах книги заметно, что она создавалась в современных условиях, что опыт последних шести лет не прошел даром.

Но, позвольте процесс развития литературы, очень важно способности реальности оценюк, правильности соотношений, дабы субъективное не возоблада над объективным.

Наверное, и нам будет обидно, если три-четыре десятилетия спустя академики-литуроведы не примут в расчет наши сегодняшние взгляды на современную литературу, сконструировав свою схему, снося «по малозначительности» те высоты, овладение которыми мы считали своей победой, и вырывая те рытвины, в которых мы буквсвали на своем мотопегасе...

Вряд ли следовало А. Меншутину столь резко сравнивать Маяковского с Блоком, чтобы показать, насколько Маяковский был «идеино выдержаннее». А почему бы не сравнить с Д. Ведьным? Тогда яснее стало бы то о чем умалчивает А. Меншутин, но к

чему наша «маяковистика» пришла еще лет семь назад: период 1917—1924 гг. был для великого поэта переходным, когда он успешно преодолевал неверные взгляды на соотношение формы и содержания, когда его стих приобретал ясность и политическую зрелость.

Кстати, поэма «Двенадцать» была написана в марте 1918 года, тогда как поэма Маяковского — в конце 1920 (разрыв в два года имел для тех времен не столь уже малое значение).

Вряд ли следовало А. Синаевскому сводить к общей формуле изображение Горького последовательной действительности, хитроумно объединив все словами «и как художник, и как публицист»: очевидно, что в данном случае публицистическое и «собственно-художественное» творчество несоизмеримы.

Есть и другие, может быть, менее значительные, но тоже весьма показательные примеры.

И еще одно замечание. Очень уж обидно за Андрея Старцова. Отнес его А. Синаевский к литераторам «спуникам» Клима Самгина вместе с Мечником, Кавалером, Епанчиным, и на всех на них, по его мнению, «лежит печать деградации, духовного и нравственного вырождения». Нет места, да и надобности для долгого спора: каждый, кто прочитал «Города и годы», скажет: зря обидели Старцова.

Впрочем, от подобных «накладок» можно избавиться сравнительно легко. Гораздо сложнее выпарить некоторую однородность литературного процесса. Дело в том, что и по сию пору история литературы сводится к истории беллетристики.

Можно, конечно, спорить, обязательно ли вводить монографическую главу в В. Луначарском. С моей точки зрения, «Благодарности» это было не только чуткий и талантливый руководитель, но и самый крупный и активный критик того времени. Он и выступает с лекцией «Новое искусство и его путь», и пишет предисловие к сборнику «Ржаное слово», и провозносит вступительное слово на премьере «Мистерин-буфф», и критикует формалистическую поэму Н. Асеева «Буденный». А его непревзойденная статья о «Изнини Клима Самгина»!

Вполне возможно, что литература 20-х годов была бы иной, если бы не многочисленные выступления и статьи этого талантливейшего литератора. А самое главное, для литературного процесса критик Луначарский — фигура более значительная, чем иные «добра» писатели. В своих уваженьях на вообще странное отношение к критике в книге. Почему-то именно «яко бы» критики возлагается потенциальный задор исследователя. «Часть критики упрекала Лавренева в статичности этого образа». «В момент появления «Разлома» в критике преобладали мнения. Эта лишенная адреса полемика напоминает игру с тенью соседа: закула наступило на голову, захочу — пойду рядом».

Можно спорить и о том, нужно ли было опускаться развернутой характеристикой эпохи в обзорной главе. Но одно бесспорно — для того чтобы воссоздать процесс становления литературы, нужно шире брать ее связь с жизнью.

Годы 1917—1929 были, особенно в первой своей половине, весьма своеобразным периодом в развитии литературы, когда ветер современности врывается в бастионы литературы, потрясая их, когда в одном ряду со стихотворением и рассказом стояли очерк и статья (вспомним хотя бы публицистику А. Влока). Эта особенность литературного процесса первых лет Советской власти, по сути дела, не отражена в книге. То и дело встречается с очевидной недоуменной «журналистских» жанров — очерка, статьи.

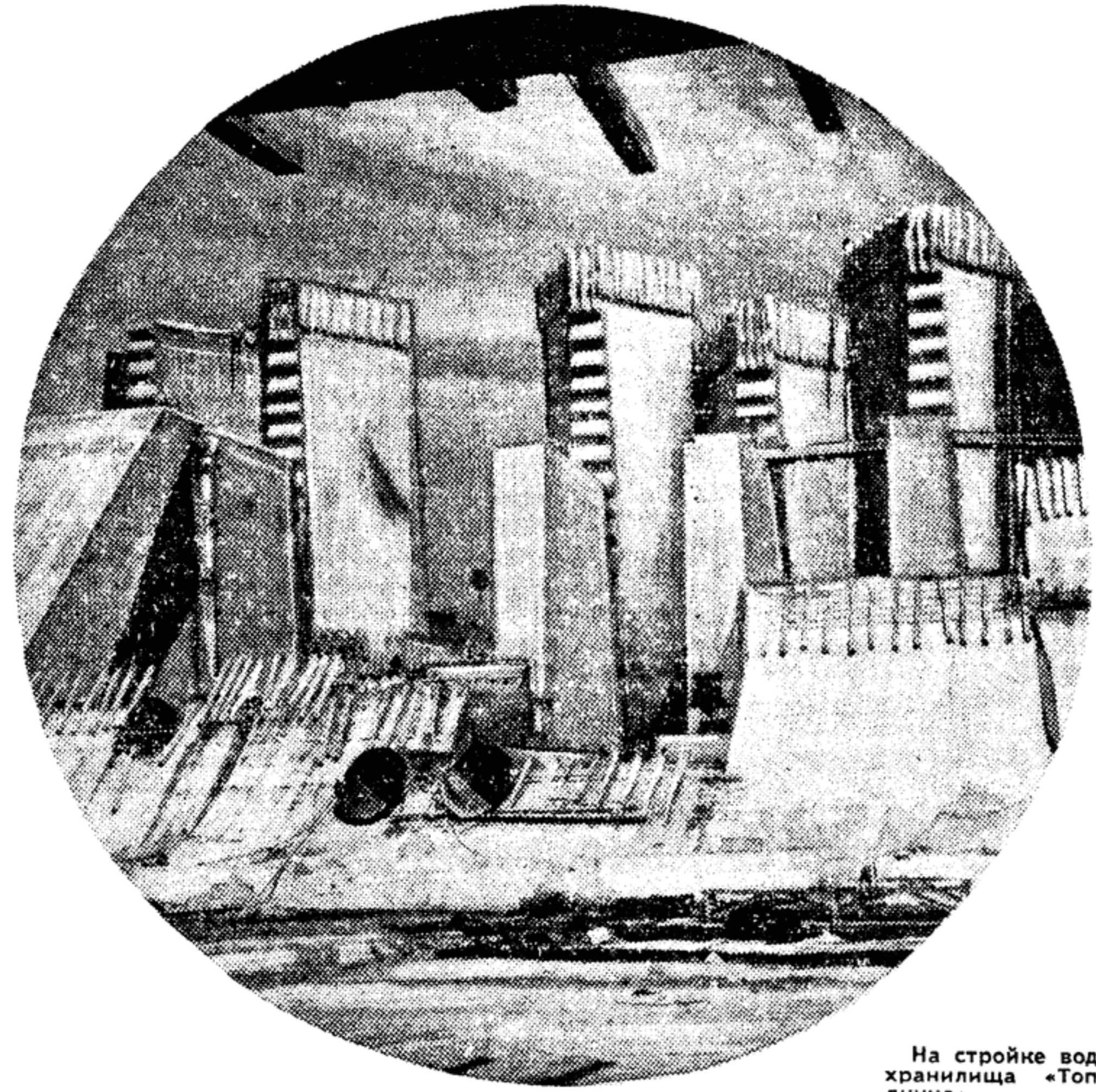
Мельком сказано в обзорной главе об очерках А. Серафимовича, хотя среди них — такие известные вещи, как «Политик» и «Новая стройка». Совсем ничего не сказано о рассказах А. Неведова, хотя среди них — полюбившаяся читателям «Марья-Большевичка» и будто сегодня написанный этюд «Я хочу жить» (не в нем ли, кстати, скрыты литературные истоки «Писем к товарищам В. Горбатов»).
А вот как обидно написано о «Красном десанте» в монографической статье о Фурманове: «В первой большой повести «Красный десант» он пытался показать характер нового человека, формирующегося в процессе революционной борьбы». Пытался, стало быть, не показал... Признавая, что, «поставив в центре повести революционный народ, Фурманов создает, хотя и эскизно, образы отдельных представителей народа, простых советских людей». — Т. Дмитриева высказывает недовольство: «Писателю удалось в этой повести запечатлеть только отдельные черты характера нового человека. Задача создания образа нового героя была им решена позднее, в романах «Чапаев» и «Матей».
А Фурманов и не ставит перед собой такую задачу. Он хотел воплотить реального подвига советских людей. «Красный десант» — едва ли не первая советская документальная повесть, имеющая свои задачи, и свои жанровые законы (создал бы, к примеру, образ нового героя П. Вершигора в «Людях с чистой совестью», а может быть, и сам только «отдельные черты характера»). Появление повести Фурманова — большое событие для тех лет, когда

были опубликованы самые первые повести о гражданской войне Вс. Иванова, А. Малышкина, А. Фадеева. На фоне вихря, ветра, всплеска в «Партизанских повестях» и «Падении Давира» в литературу входит спокойное, ясное, правдивое произведение о самых простых людях, выявляющих себя в героико-будничной (излюбленной для Фурманова) обстановке.

Напр очерка понимается подчас автором не как самостоятельное художественное целое, а как полубрат, подготовка для «нашего друга» юности. Автор хочет в глазе о Фурманове все его очерки, статьи и корреспонденции поначалу обозвать «зарисовками» и уже затем окончательно добиться: «Многие из них послужили своеобразными литературными заготовками для его будущих произведений». А теперь из главы о Серафимовиче: «Многие из военных очерков и рассказов Серафимовича послужили своеобразными заготовками для его героической эпопеи». Вот что значит монолитность авторского коллектива — даже эпитеты одинаковы! Так и встает перед глазами писатель, решающий: написать ли своеобразную заготовку — и соединяясь за очерк. Не потому ли в обзорную главу не вошел раздел «Очерки и публицистика»? В главе о журнале убедительно и подробно говорилось о литературных позициях членов редколлегии, но, к сожалению, не говорится о позициях журнала в жизни, что он утверждал в окружающей действительности, что были посвящены очерки, на что нацелена публицистика. А ведь в очерке и публицистике в те годы не меньше, чем в поэзии, отражалась революция в умах и сердцах миллионов людей. Но, видимо, и на Н. Динишину повлияло магическое слово «заготовка».

Впрочем, дело здесь не только в очерке или статье. То было такое ясное и сложное время, когда, например, Вагрицкий писал агитку для Юрроста и одновременно стихи о летучем голландце, когда Малковский сочинял рекламу для «Мосслепрома» и пошел в «Голос» охотиться за «150 000 000». Пошел в агитацию Роста, — сказал он в автобиографии, — ставшая рядом поэму и стихотворение переключая телеграмм. Там уж было время. Жизнь бешеная вокруг, врвалась в литературу, — и не надо закрывать литературоведческие ставни.

КАК ГОВОРИТСЯ в подобных случаях, хотелось бы верить, что в следующем томе все будет хорошо. Но мы — реалисты, мы знаем, что и там будет много недоработанного, не доведенного до конца. Важно другое — появилась уверенность, что советская наука о литературе способна сейчас на крупный шаг вперед.

На стройке водопровода в «Топольнице»

РОДИНА МОЯ, БОЛГАРИЯ!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ БОЛГАРИЯ!
Вряд ли есть два других слова, которые могли бы задевать во мне чувство большей гордости. Эти слова были последние возражения и первой мечтой храбрых борцов движения Сопротивления. Эти слова, как в фокусе, собирают в себе лучи извечных стремлений человека. Эти слова дают маленькому народу право и силу совершать большие дела.

Мне хотелось бы обойти в эти дни братские могилы, постоять у красных звезд и сказать каждому герою: вам принадлежит социалистическая Болгария!
Огромные заводские трубы ставят свою размахистую дымовую подпись под этими словами. Тракторы подчеркивают их глубокие ровными бороздами на земле. Домашние цехи венчают своим огненным ореолом. Тому, кто не видел нашей страны в прошлом, трудно, конечно, понять, какой огромный волнующий смысл таится для нас в слове: социалистическая.
Мне часто приходится ездить по стране. Но я всегда говорю своим спутникам в поезде, что впервые в тех местах, даже если они мне знакомы. Эта маленькая невзрачная доставляет мне большую радость. Не умею сказать, что меня так привлекает какой-нибудь добротой-«эксплуатации». Он встает у окна и, возбужденно жестикулируя, начинает рассказывать, пока-

зывает во право, то влево. И всегда получается так, что главной темой наших бесед становится обновленная Болгария.
Как бы ни было известно мне все, о чем поведал спутник, я вновь и вновь с наслаждением слушаю каждое его слово, оно звучит для меня музыкой, от которой никогда не устаешь. Мне приятно слышать искренний парок в быстрой речи, гордое сознание ответственности, глубокую внутреннюю заинтересованность. И всегда я узнаю что-нибудь новое.
Недавно в душею куне вагона добруджажская крестьянка средних лет по собственной инициативе решила показать мне новый огромный медеплавильный завод. Она с таким воодушевлением рассказывала подробности о нем, что я была просто поражена. Когда медеплавильный гигант вынырнул, наконец, из-за поворота, женщина встала и, торжественно протянув руку, с какой-то особой гордостью сказала, что вот эта труба, возвышающаяся перед нами, самая высокая на Балканском полуострове.
Я смотрела на нее и думала о другом — о той высоте, к которой устремились люди моей родины, высоте, к которой стремит-

ся и эта простая труженница из далекой добруджажской деревни...
И так вековой, где бы ни мчался поезд. По Дунайской ли равнине или по Добрудже, по Пиринскому краю или Работу. Случайный попутчик может оказаться большим энтузиастом. Всегда подберет он слова, чтобы увлечь вас.
Это может быть рассказ о Димитровграде, городе юности, с его гигантскими химическими заводами, или похвала поэму поэмиста о строительстве в Родопском горнорудном бассейне. Это может быть просто эпизод из жизни доменщиков с перенца нашей металлургии, завода имени В. И. Ленина.
Когда я встречаюсь с таким вот попутчиком, когда широко открыл глаза, смотрю из окна вагона, то вспоминаю слова одного иностранного журналиста, который писал после поездки по нашей стране: «В Болгарии семь миллионов населения, однако работа, проведенная за год с 9 сентября 1944 года, заставляет думать, что это не семь, а семьдесят миллионов»...
Только семь миллионов... Вдохновенные труженники, поэты своего дела, строители... И мудрая партия, которая указывает дорогу вперед... Партия Димитрова, партия болгарских коммунистов.

По счастливому стечению обстоятельств Болгария встречает великий праздник своего освобождения в золотые дни ранней осени. Никакой торжественный парад не мог бы создать такого полного ощущения праздничности и благоденствия, какой создается плоды болгарской земли. Небывалый урожай! Жолтеют отяжелевшие ветви деревьев.

Вы не подумайте, что в этом сказались только щедрость природы. Нет. В нынешнем году на пороге крестьянского дома не однажды задерживалась заступница кооператорки, хватившей ее своими крепкими руками, утопив в новых водоэмульсионных красках, в оросительных каналах... Были и проливные дожди, и град, были и горячие, знойные ветры. Над всем этим маячила туча, которая оказалась более могучей, валах вех всеобщий подъем, глубокие перемены в отношении людей к общественной земле, призывы партии к большому экономическому скачку.
И вот результаты: на печи Добруджи и Мизии, Фракии и Розовой Долины наш крестьянин накупил одежды богатого плотородия. И сам он стал выше, духовно богаче, сильнее.
Недавно я побывала в большом кооперативном хозяйстве на юге Болгарии. Осмотрев общественные здания, дом культуры, больницу, летний сад, кино, мы вышли в поле. Нам повели к винограднику. Они начинались у подножья трех

Кристо СТАНИШЕВ
СВОБОДА
Цветком была ты нежным
Средь снежных гор зимою,
Ты облаком мятежным
Кружилась над тюрьмою,
Опахавшее ливнем
Была ты, и упрямо
К тебе неслось мальбою
Большое слово: Мама!
Была ты скорбным криком,
Была ты гневной жарой,
Когда во тьме великой
Звала: Вперед, болгары!
Была ты жаркой печью,
Снигающей без пощады
Порки человечья
И живые тираны.
Была ты пушкой грозной,
Подающей над туманом
Зарю, небом звездным
И знаменем багряным.
Теперь ты стала высью
Небес и кряжей горных
Гнездом в зеленых листьях,
Сверканьем коз проторных.
И пахarem, что ранней
Порой по пыльным нивам
В Народное Собрание
Идет неторопливо.
Ты чище поделу,
На радость, на страданья
В душе тебя храня я,
Как первое свиданье.
Перевел с болгарского
Анатолий СЕНДЫК

Завтра-15 лет народной Болгарии СПРАЗДНИКОМ, ДРУГАРИ!

Зоркие мастера

ДОРОГИ Болгарии... Кто увидел их весной, в пору цветения, или сейчас, урожайной осенью, тот не забудет этот сад, проткнувшийся на сотни километров, эти рослые деревья в белых чулках защитной окраски, — выхоженые, сбереженные от зноя, усыпанные оранжевыми и красными плодами. Мчатся машины, проносятся мотоциклисты, скрипят телеги по бесконечной садовой аллее, и невозможно отвести взор от мелькающих за ветровым стеклом стройных яблонь. Кто вырастил их, кому они принадлежат, кто охраняет это богатство?

чанам осваивает сейчас горную цепь? Веками оставались бесплодными эти запыленные солнцем горные склоны, а теперь взбираются по ним все выше, терраса за террасой, виноградники.
Наверное, этот же зоркий, умудренный житейским опытом человек задел «вторую уборку» урожая на полях Болгарии. Странно выглядело поле, которое мы увидели с вершины холма. Где-то вдали комбайн снимал невыскобленную, но очень густую янтарную пшеницу, а на другом краю поля оголенная земля покрывалась белыми комками, словно здесь встал снег. На шоссе стояло несколько телег с большими деревянными клетками. Вдоль обочины высились корыта с водой. Две тысячи кур распались снежными хлопьями по скошенному полю и старательно подбирали оброненные комбайном зерна. Птицеферма трудовое сельскохозяйственного кооператива имени Тодора Релиева вот уже четвертые сутки на колесах. Ее отправили на вторую уборку. Девушка, прикрывшая от зноя лицо ситчевым белым платком, птичника Елена Кривева сообщила, что ферма на время такого странствия снимается с «заезженного довольствия».

Народное добро, — коротко отвечает наш попутчик, партийный работник из Варны Христо Христов.
Сад, расстилающийся по обе стороны шоссе, принадлежит государству, и всякий считает своим долгом оберегать это народное достояние.
— Недавно, — рассказывает Христо Христов, — ехал я вот так же, останавливаясь у перекрестка и срывал яблоко. Откуда ни возьмись, — старик с посохом. Подошел, стал требовать: «Плати штраф». Я ему: «Да что ты, отец, за одно яблоко... Смотри, их тут не считешь...» А он совершенно серьезно: «За то плати, что едешь один в автомобиле, а не взял с собой корзину, не наполнил ее плодами, не помог убрать урожай...» Я улыбаюсь, а он свое: «Плати штраф!» Очень серьезный попался старик, настоящий государственный человек.
Не этот ли самый человек с кругозором государственного деятеля поднял вас на те крутые склоны Стара-Планины и вместе со своими односель-

подумалось, что и тут не обошлось, наверно, без него, без «государственного человека», позабывшего о том, чтобы взбираться по ним все выше, терраса за террасой, виноградники.
И, конечно же, это его рукой подвезены к дороге горные ручьи, выложенные светлым камнем «чешша» с журчанием прозрачных струями — на все четыре стороны света, чтобы путник мог утолить жажду и поразмыслить о жизни, сидя на широкой, низкой скамье... В этих придорожных нескладных фонтанках, в их обликовье, в разнообразии архитектурного рисунка всегда сверкает талант мастера. Это — произведение подлинного искусства, точно так же как и сельский дом с затененной верандой, с белыми наличниками окон.
Из болгарского села уходила мастер-строитель далеко на чужбину, кочевали «от град на град», украшали чужие города чужих стран дворцами, замками, храмами. Беженцами покидали родное село, таким же беженцами возвращались домой. Где-то в Багдаде или Каире, в Анкаре или Дамаске ставили они на века мраморные стены дворцов. Невероятные мастера строительного искусства передавали из поколения в поколение свой опыт, свой талант. Мать, склоняясь над колыбелью, поет: «Вырастешь, сынок, станешь мастером, еще лучшем, чем отец, чем дед и прадед твой...»
Из давня в болгарском селе с уважением относятся к строителю. Когда такой умелец-мастер поднимается на стропила и укладывает первую черепицу новой кровли, соседи, друзья приносят ему кырпу — полотенце, цветы: «Не малое дело сотворил ты, другар, — дом для людей построил...»
Болгарский режиссер Юрий Арнаудов показал нам в Софии, в маленьком просмотрном зале киностудии, свой фильм «Песни в камне и бронзе». Это поэтический рассказ о памятниках, записанных на лбу природы в борьбе за освобождение, за свое счастье. На монуках Шиники и на скромных обелисках, сооруженных в недавнюю пору, высечены русские и болгарские имена. У подножья — чутунные ядра и вырезанные в камне танки.
Часто вспоминаешь этот документальный фильм, совершая поездку по дорогам Болгарии. Велико братство народов Болгарии и Советской страны.

Никола ФУРНАДЖИЕВ
Над братскою могилкой
очень четко
Алеет флаг на фоне снежины.
Здесь траурным венком — чутун
И влажные цветы
среди листьев.
Портреты на могиле в рамке листов...
У девушки в глазах —
— весенний день...
Скуластый горел —
сын земли скалистой
И гимназист с фуражкой набекрень.
Им кланяется край весь,
все селенья,
Детей везут водители машин,
И вниз, по склонам,
С утра шагают жители вершин.
Здесь матери рыдают у ограды,
Перевел с болгарского
Б. РАХМАНИН

БЕССМЕРТИЕ
И, скорбную
в глазах запрятав тень,
Один лишь уцелевший
из отряда
задумчиво стоит среди детей.
Погибли люди,
чтоб жила свобода.
Бессмертна их смертельная борьба.
О, трудная история народа!
Она высокий долг нах
и судьба.
В ней
вечно юной жизни нашей
корень,
Как дуб, она могуча и жива.
И на вершине
в радостном просторе
Сверкающая свежая листва.
Перевел с болгарского
Б. РАХМАНИН

Вл. ПАВЛОВ
Лена
(БЫЛ)

ЕЕ настоящее имя было совсем не Лена, а Лилия. Но она считала, что для войны Лилия — это слишком нежно. И на пиратском пароходе, а зрало, знакомясь, назвала себя именем своей сестры — Лены. Так она и осталась за ней.
Лена прилетела к нам в сорок втором, в начале ноября.
Незадолго до этого наше партизанское соединение дванды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова вырвалось из блокады и после тяжелого двухнедельного перехода с боями добралось до Черниговщины до сурового, но безопасного, как его называли в дневнике Лена, Клетнянского леса.
Соединение отдыхало после трудного лета.
По утрам командиры взводов выводили своих подчиненных на зарядку. Днем шли политзанятия. А в шесть вечера на центральной лагерьной дороге начинался даже развод караулов.
Словом, шла почти нормальная жизнь. И только разведчиком и подрышками по-прежнему редко приходилось бывать в лагере.
Как сейчас, помню вечер, когда Лена впервые пришла в нашу землянку.
Диверсионный взвод, которым командовал Алеша Садиленко, только что возвратился с «железки». Один из нас спали, другие сгрудились возле печки и пели:
«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Может, это ощущение появилось оттого, что Лена удивительно интересно умела рассказывать. А может, оттого, что с ее появлением в землянке становилось так-то уютнее...
С того вечера Лена бывала у нас каждый день. Не раз приходилось мне провозить ее домой — в землянку отдела пропаганды, к которому она была приписана. Постепенно узнал я, что ее мать — замечательная болгарская революционерка Георгина Карастоянова, что Лена вместе с матерью сидела в Болгарии в тюрьме, а потом была увезена в Советский Союз, где в ее судьбе приняла большое участие семья известного советского общественного деятеля и публициста Емельяна Ярославского...
Великий раз, когда партизанские диверсионные группы уходили на задание, Лена приходила и шутя, где нас напутствовал командир соединения, и пожимала каждому руку...
А когда узнавала, что группа возвратилась, первой бежала к заставе, навстречу...
Скоро Лена стала у нас своим человеком. Мы даже всерьез поговаривали о переводе ее из отдела пропаганды к нам, в подрывники...
Но — судьба решила иначе...
В ЯНВАРЕ 1943 года немецкое командование, готовившее наступление в районе Курска, решило очистить от партизан Клетнянский лес.
Началась одна из самых тяжелых блокад, какие только пришлось пережить соединению. Силы были далеко неравны — немцы бросили против нас три дивизии, танки, авиацию...
Партизанам пришлось понинуть лагерь...
Ночью около села Тельча соединение вышло на опушку леса и остановилось. По колонне прорвался приказ: не курить, не говорить, не ходить... Мы поняли — вперед пошли разведчики.
Я лежал рядом с Леной на снегу.
— Не замерзла, Лена? — прошелтал я, желая услышать ее голос.
В это время подполз Алексей Садиленко:

И ОСИПОВ
люди могли отдохнуть в горячую страду под сенью чинары.
И, конечно же, это его рукой подвезены к дороге горные ручьи, выложенные светлым камнем «чешша» с журчанием прозрачных струями — на все четыре стороны света, чтобы путник мог утолить жажду и поразмыслить о жизни, сидя на широкой, низкой скамье... В этих придорожных нескладных фонтанках, в их обликовье, в разнообразии архитектурного рисунка всегда сверкает талант мастера. Это — произведение подлинного искусства, точно так же как и сельский дом с затененной верандой, с белыми наличниками окон.
Из болгарского села уходила мастер-строитель далеко на чужбину, кочевали «от град на град», украшали чужие города чужих стран дворцами, замками, храмами. Беженцами покидали родное село, таким же беженцами возвращались домой. Где-то в Багдаде или Каире, в Анкаре или Дамаске ставили они на века мраморные стены дворцов. Невероятные мастера строительного искусства передавали из поколения в поколение свой опыт, свой талант. Мать, склоняясь над колыбелью, поет: «Вырастешь, сынок, станешь мастером, еще лучшем, чем отец, чем дед и прадед твой...»
Из давня в болгарском селе с уважением относятся к строителю. Когда такой умелец-мастер поднимается на стропила и укладывает первую черепицу новой кровли, соседи, друзья приносят ему кырпу — полотенце, цветы: «Не малое дело сотворил ты, другар, — дом для людей построил...»
Болгарский режиссер Юрий Арнаудов показал нам в Софии, в маленьком просмотрном зале киностудии, свой фильм «Песни в камне и бронзе». Это поэтический рассказ о памятниках, записанных на лбу природы в борьбе за освобождение, за свое счастье. На монуках Шиники и на скромных обелисках, сооруженных в недавнюю пору, высечены русские и болгарские имена. У подножья — чутунные ядра и вырезанные в камне танки.
Часто вспоминаешь этот документальный фильм, совершая поездку по дорогам Болгарии. Велико братство народов Болгарии и Советской страны.

Уголок города Тыриво

Едем очень далеко...

Затерянный в горах болгарский поселок: два десятка задымленных дач угрюмо карабкаются вверх. Погрескавшиеся стены, решетки на окнах; за этими решетками — скудная, нищая, разоблаченная жизнь. Тишина и безлюдье, лишь изредка прощмыкает закутанная до глаз женская фигура: Аллах не велит открывать лицо перед случайным встречным. Ходя не велит. Здесь все подчиняется кодексу — авто-ритуэ злого, невежественного старика: он вступает над жизнью и смертью, отвращает сердца людей от новых порядков, учит молиться и плакать и не отрывая глаз от земли, хлыстом вколочивает в головы маленьким непонятные, безразличные тексты корана.
Жалкая тропинка соединяет поселок Велково с внешним миром. Где-то газ, внизу, бегут по шоссе машины, грохочат стройки, темноволосые девушки и парни, едва отдохнувшие ребята, торчат на лекции, в кино, на танцы... «там, наверно, столько товарищеских рук протягиваются навстречу каждому человеку». Не нужна родословная жителям эта чужая, непонятная им, «нечестная» жизнь... И школа им не нужна — она только отвлекает от работы. Дети выучатся и уйдут, и не будет в доме лишней пары рабочих рук. Иди в школу, иди, напустывают родители детей, сиди там, если уж никак нельзя, если власть велит, только не говори ни слова, не учись, не отвечай... «А у меня двоечки!» — торжествующе восклицает маленькая Шунра, Отличница Рукья уныло смотрит на свои пятерки...
Она неторопливо и мудро, молоденькая учительница из Велкова «новородец», «гяурка». Она учит грамоте родопских ребяташек, заставляет их расчесывать волосы, отстригивать рубашонки. Только и всего, рассказывает им, как произошла земля, откуда взялась в Болгарии мусульманская вера, что такое социализм. Только и всего, увлекает пытливого Нихада правдивой сказкой, приносит лекарство заблуждений Зенке, сидит всю новогоднюю ночь напролет с одиноко запертой дома Ручкой Хамди. Это от нее услышал ворышка и дивар Хамди первое в своей жизни

слово правды: она единственная разглядела горное спротоже Фахри, разглагольствую Метко, тихую мечтательность Тезифе. «Ради наших простых детей ты покинула свой город, Милена?» — протодушно удивляются матери из Велкова поселка.
Ей нелегко, она сама еще девочка. Нелегко встречать на каждом шагу предубеждение и враждебность, нелегко проводить одной долгие зимние вечера, забнувшись ночью под дырявой крестьянской черной. Ей так хочется иногда получить хоть одно ободряющее письмо из дома, увидеть хоть изредка ласковую улыбку инженера Бояна. Но он живет внизу интересной, кипучей жизнью, ему не до Милены, он как выясняется поезде, любит другую. Нет, не будет автор свою героиню, Медленю, недобриво, неохотно, но все-таки открываются перед ней сердца! Доверие, уважение, любовь к людям — все это не может не вызвать в них чувства признательности. Прекрасным словом «товарищ» называют ее ученики: «Аллах есть, товарищ?» Вот уже посрамлен в прямом столкновении с учительницей вселившийся ходжа. С гордостью надевают красивые галстуки первые пионеры Велковской школы имени Кирилла и Методия. Но когда, казалось бы, трудности уже остаются позади, — насильно выдают замуж любимую Милену, тринадцатилетнюю пионерку Рукино. Борьба не кончается, она еще идет... И есть в этой борьбе только одно счастье — счастье сознавать, что ты нужна людям.
«Жизни! Как она похожа на путешествие, в котором каждый выходит на своей станции. Один вообще боится дороги, боится перелом и навсегда остается там, где родился. Другой сходит с поезда лишь на... большое вокзал, смешивается на широком перроне с многочисленными пассажирами и терзается в толпе. Третий едет очень далеко, в незнакомые места».
Сердечный привет тебе, отважный путешественник из далеких Родоп, милый, мужественный человек, так порой и скромно рассказавший о своем народе, о своем нелегком и радостном труде. Большое спасибо тебе за умную, чистую, от сердца написанную книгу! —
Любовь КАБО

Лилия Александрова. «Есть одно счастье». Повесть. Перевод с болгарского. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1959.
В Варненском порту
Рисунки художника А. Тарана
Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, С. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СОЛОНХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.
Москва, Литгазета. Телефон: секретариат — К 4-04-62, разделы: литература и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информация — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.